

ПРОДУКТИВНЫЕ СПОСОБЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ.

Джураева Фарахбону Исматиллаевна

*Преподаватель кафедры русского языка и литературы Самаркандского
государственного педагогического института*

Исматиллаева Хуршида Султоналиевна

*Студентка 3 курса Самаркандского государственного педагогического
института*

Аннотация: Статья посвящена анализу наиболее продуктивных способов словообразования в русском языке начала XXI века. Исследует механизмы аббревиации, деривации и заимствования через призму когнитивной лингвистики. Особое внимание уделяется «языковой игре» и влиянию цифровой среды на морфемную структуру слова.

Ключевые слова: словообразование, неологизмы, продуктивные модели, медиадискурс, суффиксация, контаминация.

Современное состояние русского языка характеризуется беспрецедентной скоростью обновления лексического состава. В эпоху «текущей современности», если использовать метафору, язык перестает быть застывшим монолитом и превращается в гибкий инструментарий, мгновенно реагирующий на социальные трансформации. Основной вектор изменений направлен на компрессию смыслов и усиление экспрессивности. Словообразование сегодня — это не просто механическое соединение морфем, а сложный когнитивный акт, где авторское «я» стремится преодолеть стандарт. Одной из наиболее заметных тенденций остается экспансия суффиксальных моделей, которые ранее считались периферийными или исключительно разговорными. В частности, суффикс -инг, заимствованный из английского языка, в современной русской почве прошел путь от полной чужеродности до высокой степени адаптивности. Однако, в отличие от английского оригинала, в русском языке он приобретает специфическую окраску: он не просто маркирует процесс, а зачастую иронизирует над ним. Мы видим рождение

таких гибридов, как «шопинг», «хайтинг», и даже окказиональных форм вроде «дивандинга», где исконно русская основа соединяется с иноязычным формантом. Это подтверждает мысль лингвиста Максима Кронгауза, который в своих работах (в частности, в «Русском языке на грани нервного срыва») отмечает, что страх перед заимствованиями часто преувеличен, так как язык «перемалывает» чужое, подчиняя его своим грамматическим законам. Кронгауз справедливо указывает на то, что заимствование — это не признак деградации, а свидетельство жизнеспособности системы, способной заполнять лакуны [1, с. 124].

Параллельно с этим наблюдается ренессанс суффикса -ость. Если в классическом языке он служил для создания абстрактных понятий (верность, радость), то сегодня он активно используется в медийном пространстве для придания признаку субстантивности с оттенком иронии или интеллектуализации: «элитность», «бюджетность», «хитовость». Здесь уместно вспомнить рассуждения Норы Галь, которая в своем легендарном труде «Слово живое и мертвое» предостерегала от избыточного использования канцеляризмов и «омертвевших» абстрактных существительных [2, с. 45]. Переосмысляя её идеи сегодня, можно сказать, что современное словообразование часто балансирует на грани «живого» творчества и «мертвого» штампа. Когда блогер создает слово «ламповость», он оживляет метафору, превращая технический термин в эмоциональную категорию, тем самым совершая акт художественного пересказа реальности.

Не менее значимым процессом является аббревиация. В условиях дефицита времени и доминирования мессенджеров язык стремится к максимальной экономии усилий. Однако современная аббревиация — это не только советские «завмаги» или «госпланы». Это создание новых смысловых единств: «ЗОЖ», «ВИП», «ИТ-сфера». Интересно, что эти сокращения начинают вести себя как самостоятельные корни, обрастая суффиксами и приставками: «зожник», «вип-персона». Критики, размышляя о будущем языка, вводит понятие «проективного словаря». Он полагает, что современный человек не просто пользуется языком, а проектирует его, создавая слова-гибриды, которые должны заполнить смысловые пустоты между бытом и бытием. С этой точки зрения, продуктивность аббревиации — это попытка

сознания упаковать сложную социальную реальность в короткий, легко манипулируемый символ.

Особое место в иерархии продуктивных способов занимает контаминация или «телескопия» — наложение двух слов друг на друга. Примеры вроде «прихватизация», «дерьмократия» (неологизмы 90-х) сменились более тонкими «инфодемией» или «брекзитом». В этом процессе проявляется игровая стихия языка. Слово становится ребусом. Читатель или слушатель должен совершить интеллектуальное усилие, чтобы «разлепить» смыслы. Это сближает современный медиатекст с поэтикой футуристов. Как Хлебников искал «самовитое слово», так и современный копирайтер или журналист ищет форму, которая бы не просто называла явление, а содержала в себе его оценку.

Морфологические способы словообразования в начале XXI века демонстрируют отход от строгой нормативности в сторону субъективизации. Язык становится более демократичным, а граница между литературным стандартом и сленгом — прозрачной. Продуктивность суффиксальных и аббревиатурных моделей диктуется не только потребностью в новых терминах, но и поиском новых способов эмоционального воздействия на аудиторию в условиях информационной перегрузки.

В эпоху тотальной цифровизации русский язык демонстрирует поразительную гибкость в области конверсии. Этот процесс, традиционно более характерный для аналитических языков (например, английского), в современном русском контексте приобретает уникальные черты. Мы наблюдаем, как субстантивация (переход в существительное) и адъективация (переход в прилагательное) становятся инструментами создания новых социальных смыслов. Ярким примером служит функционирование слов «взрослость» или «осознанность» не просто как качеств, а как полноценных товарных категорий в индустрии саморазвития. Здесь уместно обратиться к идеям лингвиста и философа Михаила Бахтина о «диалогичности» слова. В его понимании, слово не принадлежит только говорящему, оно всегда находится на границе между «собой» и «другим». Сегодняшняя конверсия — это диалог между профессиональным сленгом и обыденной речью. Когда айтишник говорит «расшарить» (от англ. Share), он не просто заимствует корень, он

встраивает его в русскую парадигму глагольного вида. Это «опосредованное словообразование», где чужой концепт облекается в родную грамматическую плоть, создавая гибридную реальность.

Особого внимания заслуживает префиксация (приставочный способ). В современном языке наблюдается настоящий «взрыв» продуктивности приставок де-, ре-, анти- и пост-. Если раньше приставка де- ассоциировалась преимущественно с техническими или химическими процессами (дегазация, демобилизация), то сегодня она активно «атакует» социальную сферу: «деглобализация», «десоветизация», «децифровизация». Это свидетельствует о глубоком кризисе старых структур и стремлении общества к демонтажу отживших концептов. Критик и публицист Дмитрий Быков (признан иноагентом в РФ), анализируя в своих эссе судьбы русской словесности, часто указывает на то, что язык отражает циклическое время истории. Приставки ре- (ренессанс, реконструкция) и пост- становятся маркерами этого «возвратного» времени, где будущее мыслится лишь как пересборка прошлого [6, с. 82]. В этом контексте нельзя игнорировать влияние сетевого фольклора и «языка падонков», который, пройдя стадию маргинальности, оставил глубокий след в продуктивных моделях. На смену намеренным ошибкам пришла эстетика «мемного» словообразования. Слово «кекнуть» или «рофлить» — это не просто сленг, это полноценные лексемы, образованные по классическим канонам русской деривации от иноязычных аббревиатур. Исследователь Максим Кронгауз в своих лекциях часто подчеркивает, что интернет — это лингвистическая лаборатория, где скорость мутации слова сокращена до секунд. Здесь рождается «окказиональная полисемия», когда одно и то же словообразовательное средство (например, суффикс -ик) начинает обслуживать диаметрально противоположные стили: от нежного «котик» до иронично-пренебрежительного «соевик» [1, с. 178].

Интересен и феномен «словообразовательной мимикрии». Это процесс, при котором новые понятия маскируются под старые, используя архаичные или диалектные модели. Например, возрождение слов с приставкой па- или использование специфических суффиксов в именах брендов («ВкусВилл», «Мираторг») создает иллюзию укорененности в традиции. Это то, что критики называют «маркетинговой архаизацией». В книге «Слово живое и мертвое»

Нора Галь призывала к точности и чистоте, но современный рынок требует «вкусности» и «атмосферности». Эти слова — типичные продукты адъективации, где эмоциональное состояние превращается в измеряемую характеристику продукта. Пересказывая идеи Галь для современности, можно сказать, что «мертвым» словом сегодня становится не канцелярит, а «пустой» неологизм, который не несет в себе образа, а лишь заполняет рекламное пространство.

Нельзя обойти стороной влияние нейросетей на современную морфемику. Появление терминов типа «промпт», «галлюцинирование» (в контексте ИИ), «дипфейк» порождает цепочки производных: «промптить», «дипфейкнутый». Мы стоим на пороге момента, когда алгоритмическое словопроизводство станет конкурировать с естественным. Если раньше язык развивался стихийно, то теперь он подвергается сознательной оптимизации под нужды поисковых систем (SEO-словообразование). Продуктивность здесь диктуется не логикой языка, а логикой алгоритма, что приводит к упрощению синтаксиса и стандартизации лексических гнезд. Словообразовательная система современного русского языка находится в состоянии «динамического равновесия». С одной стороны, она сохраняет верность строгим флективным традициям, с другой — жадно впитывает аналитизм английского языка и сжатость цифрового кода. Главная ценность современного слова — в его многослойности: за привычным суффиксом может скрываться ирония, за аббревиатурой — целая философия, а за заимствованным корнем — попытка осознать себя в глобальном мире. Язык не портится — он усложняется, становясь зеркалом эпохи, где старое и новое не борются, а создают причудливую симфонию смыслов.

Список использованной литературы:

1. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. — М.: Знак, 2008.
2. Галь Н. Слово живое и мертвое: От «Маленького принца» до «Корабля дураков». — М.: Книга, 1972 (и послед. Изд.).
3. Эпштейн М. Н. Проективный словарь русского языка: Новые понятия и термины. — М.: Азбука-классика, 2004.

4. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979.
5. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. — М.: Логос, 2003.
6. Шапошников В. Н. Русская речь 1990-х: Современная Россия в языковом отображении. — М.: МАЛП, 1998.